КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ
С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ
КЪ КАРТИНѢ № 23.

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1908

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *А. Е. Архипова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 23.

А. М. Васнецовъ. Монастырь въ Московской Руси. (XIII—XVII вв.)

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.
1908.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

На картинѣ изображенъ внутренній дворъ небольшого монастыря, какіе десятками стали возникать въ XIII, XIV и XV вв. на всемъ пространствѣ сѣверо-восточной Руси. По обстановкѣ, по пейзажу, видимому изъ-за бревенчатаго тына монастыря, можно сказать, что изображенный монастырекъ забрался въ порядочную глушь; правда, это не берегъ «студенаго окіанъ-моря» и не область сѣверныхъ озеръ Олонецкаго края, нашъ монастырекъ ближе къ центру страны, и это свидѣтельствуетъ, что онъ не новый, а уже пожившій и устроившійся на своемъ мѣстѣ насельникъ.

Быть можетъ, здѣсь живетъ уже второе поколѣніе монаховъ—наслѣдниковъ того пустынножителя, который пришелъ въ эти края, жаждая духовнаго подвига и молитвы, уединенія отъ людей, покаянія, когда здѣсь была еще глухая дремучая дебрь. Но не остается свѣтильникъ зажженный подъ спудомъ. О святой жизни отшельника прошла молва. Одинъ за другимъ стали приходить къ нему жаждавшіе, какъ и онъ, молитвы и подвига люди, и отшельникъ долженъ былъ уступить имъ, позволить селиться возлѣ, жить, трудиться и молиться вмѣстѣ всѣмъ.

Въ глухой лѣсной мѣстности возникли постройки—келіи монаховъ, одна-двѣ церковки, кое-какія хозяйственныя строенія. Надо жить, слѣдовательно, надо питаться. Кое-что принесутъ монахамъ ближніе и дальніе христолюбцы, но милостыни не хватитъ на всѣхъ, кругомъ бѣднота, сама нуждающаяся въ помощи, и вотъ настоятель монастыря понуждаетъ свою паству поля распахивать,

хлѣбъ сѣять и убирать; съ началами земледѣлія устраивается небольшое скотоводство, и монастырь становится еще и земледѣльческой колоніей. «Строгость жизни, слава подвиговъ привлекали сюда издалека не только богомольцевъ и вкладчиковъ, но и крестьянъ, которые селились вокругъ богатѣвшей обители, какъ религіозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лѣсъ, ставили починки и деревни, расчищали нивы и такъ «искажали пустыню», по выраженію житія преп. Сергія Радонежскаго. Здѣсь монастырская колонизація встрѣчалась съ крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Такъ на мѣстѣ одинокой хижины отшельника выросталъ многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братіи нерѣдко оказывался ученикъ основателя, тяготившійся этимъ не иноческимъ шумомъ и богатствомъ: вѣрный духу и преданію своего учителя, онъ съ его благословенія уходилъ отъ него въ нетронутую пустыню, а тамъ тѣмъ же порядкомъ возникала новая лѣсная обитель. Иногда это дѣлалъ даже не разъ и самъ основатель, бросая свой монастырь, чтобы въ новомъ лѣсу повторить свой прежній опытъ. Такъ изъ одиночныхъ разобщенныхъ мѣстныхъ явленій складывалось широкое колонизаціонное движеніе, которое, исходя изъ нѣсколькихъ центровъ, въ продолженіе четырехъ столѣтій проникало въ самые неприступные медвѣжьи углы и усѣивало монастырями обширныя лѣсныя дебри средней и сѣверной Россіи». (В. О. Ключевскій, Курсъ Русской исторіи, ч. II, стр. 313—314).

Кромѣ этихъ монастырей, возникавшихъ въ «пустыняхъ» и лѣсныхъ дебряхъ, не мало ихъ было основано возлѣ селъ и городовъ, гдѣ населеніе жило уже довольно прочно долгое время. «Высшій іерархъ, митрополитъ и епископъ строили монастырь, чтобы отдыхать тамъ отъ пастырскихъ трудовъ и успокоиться по оставленіи паствы. Владѣтельный князь украшалъ обителями свой стольный городъ, свое княжество, чтобы создать «прибѣжище» для окрестныхъ обывателей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть постоянныхъ богомольцевъ за себя съ семьей и за своихъ родителей, иногда руководясь при этомъ и особенными побужденіями исполнить обѣтъ, данный въ трудномъ случаѣ, или ознаменовать память о какомъ-либо счастли-

вомъ событіи своего княженія. Бояринъ или богатый купецъ создавалъ себѣ въ монастырѣ мѣсто, гдѣ надѣялся съ наибольшей пользой для души молиться и благотворить при жизни и лечь по смерти.

Построивъ церковь и кельи и собравъ братію, основатель обезпечивалъ содержаніе своей обители недвижимыми имѣніями или средствами для ихъ пріобрѣтенія... Иногда монастырь строился при содѣйствіи цѣлаго общества, городского или сельскаго. Монастырь былъ нуженъ городу и сельскому округу, чтобы обывателямъ было гдѣ постричься въ старости и при смерти и «устроить душу» посмертнымъ поминовеніемъ». (См. В. О. Ключевскій, К. Рус. ист., стр. 324).

Правительство всѣми силами поддерживало монастыри, руководствуясь болѣе тѣмъ же теплымъ религіознымъ чувствомъ, какъ и создатели и основатели обителей, чѣмъ прямымъ государственнымъ интересомъ. Монастырямъ легко и охотно жаловались «села и деревни съ людьми», рыбныя ловли, озера, сѣнные покосы и другія угодья.

Монастыри, основанные возлѣ городовъ свѣтскими и духовными христолюбцами, рѣзко отличались по характеру и строю своей жизни отъ тѣхъ обителей, которыя возникали въ пустыняхъ и лѣсныхъ дебряхъ трудомъ и молитвой отдѣльныхъ подвижниковъ. Братія мірскихъ монастырей являлась какъ бы наемнымъ богомольцемъ, который получалъ жалованье изъ монастырской казны; значительную часть братіи составляли престарѣлые люди изъ горожанъ-вкладчиковъ, принявшіе иночество въ цѣляхъ достойнымъ образомъ встрѣтить недалекую смерть и замолить грѣхи жизни передъ концомъ ея; въ этомъ смыслѣ мірской монастырь былъ просто богадѣльней, въ которой вкладчики-постриженники просто покупали право на пожизненное прокормленіе и покой. Эти престарѣлые люди, всю жизнь ни въ чемъ себѣ не отказывавшіе и умѣвшіе цѣнить «тѣлесную прохладу», конечно, не могли исполнять строгихъ иноческихъ правилъ, требовавшихъ постояннаго пребыванія въ трудѣ и молитвѣ.

Настоящее иноческое житіе процвѣтало только въ пустынѣ, среди царства лѣсовъ черныхъ, блатъ, мховъ и чащи непроходимой. Туда шли люди, жаждавшіе духовнаго подвига, смиренія, послушанія, терпѣнія, безмолвія, «уединенія отъ человѣкъ». Такой отшельникъ живетъ подчасъ въ дуплѣ вѣкового дерева, въ землянкѣ, похожей на нору, въ кельицѣ малой и еле сгороженной изъ пней и жердей, покрытыхъ дерномъ. Питается такой подвижникъ травой, кореньями, сосновой корой, ходитъ и зиму и лѣто босикомъ, одѣтый во вретище, лохмотья, въ которыхъ трудно узнать остатки иноческой одежды, на тѣло свое подвижникъ возлагаетъ вериги—желѣзныя цѣпи и кресты во много фунтовъ вѣсомъ, носитъ желѣзную шапку и неотступно славитъ Господа молитвой и постомъ, моля Его о прощеніи грѣховъ своихъ и людскихъ. Когда около такого подвижника, посвятившаго себя отходному житію, возникало поселеніе другихъ, то устраивался монастырь.

Въ то время знали два типа монастырей, два порядка мнишескаго житія—житіе общее и житіе особное. Среди мелкихъ монастырей господствовало особное житіе, крупные же почти всѣ вводили у себя общежитіе. Въ монастыряхъ съ особнымъ житіемъ иноки сходились вмѣстѣ только на церковныя службы и болѣе не имѣли ничего общаго. Каждый самъ заботился о себѣ и своей кельѣ, и о пищѣ, и объ одеждѣ, особо отъ другихъ затворившись, читалъ въ своей кельѣ монашескія молитвы, особо отъ другихъ пилъ и ѣлъ. Въ монастыряхъ общежительныхъ все считалось общимъ, строго воспрещалось «ничтоже особь стяжевати кому, ни своимъ что звати, но вся обща имѣти». Предписывалось въ такихъ монастыряхъ «ни игумену, ни братіи не имѣть ничего своего, но все отдать Богу и св. Богородицѣ въ монастырь. Въ келіи не ѣсть и не пить и у келаря не просить, а келарю и ключнику не давать ничего никому безъ игуменова слова. Ѣсть и пить въ трапезной всѣмъ вмѣстѣ, а внѣ трапезы ничего не вкушать ни до обѣда, ни послѣ обѣда и до пьяна отнюдь не упиваться. Одѣяніе потребное брать у игумена, и то обычное, а не изъ нѣмецкихъ суконъ; шубы носить безъ пуху, и обувь съ онучами брать у игумена; лишнихъ же одежцъ не держать. Если игуменъ пошлетъ

куда-либо монаха на службу, пусть идетъ безъ ослушанія; безъ благословенія же игумена никакъ не выходить никуда. Послушаніе и покореніе имѣть къ игумену во всемъ: если кто пачнетъ говорить вопреки игумену и воздвигать свары, таковый да будетъ заключенъ въ темницу пока не покается, а непокорливаго мниха по первомъ, второмъ и третьемъ наказаніи изгонять вонъ изъ монастыря и не отдавать ему ничего, что было имъ внесено въ монастырь».

Въ церкви никто изъ монаховъ не смѣлъ бесѣдовать съ сосѣдями и выходить изъ храма до конца службы; всѣ стояли по установленному чину и благоговѣйно внимали молитвамъ. Особые наблюдатели изъ братіи слѣдили, чтобы монахи не дремали во время службы, не прислонялись къ стѣнѣ, а стояли бы прямо и благоговѣйно, „имѣя ноги, какъ столпы"; къ евангелію и для поклоненія св. иконамъ всѣ подходили, согласно съ уставомъ, по старшинству, чтобы не происходило замѣшательства; къ трапезѣ тоже всѣ шли по старшинству, каждый садился на свое мѣсто и во время ѣды всѣ молчали, кромѣ одного—чтеца, читавшаго приличное дню поученіе св. отцовъ или житіе празднуемаго въ данный день святого. Окончивъ трапезу, всѣ шли въ свои кельи, творя молитву, не вдаваясь ни въ какіе разговоры другъ съ другомъ, и никто не заходилъ къ другому брату, кромѣ какъ для посѣщенія болящаго или иной большой надобности. Если монаху приносили письмо или посылку, то и письмо и свертокъ нетронутыми относились къ игумену; если кто изъ монаховъ хотѣлъ послать письмо, то не смѣлъ этого сдѣлать, не сказавъ игумену и не показавъ ему самаго письма. Даже въ своей келіи монахъ ничего не смѣлъ называть своимъ, слова «золото» и «серебро» не должны были исходить изъ устъ подвижника. Въ келіи монахъ не имѣлъ ни куска хлѣба, ни кружки воды—вода была только въ глиняномъ умывальникѣ, висѣвшемъ на крылечкѣ; кто хотѣлъ пить, тотъ отправлялся въ трапезную и тамъ, съ благословенія старшаго, утолялъ жажду. Обстановку кельи составляли столъ, скамья; стѣны были увѣшаны иконами, на столѣ и полкахъ хранились книги св. Писанія. Постелью иному строгому подвижнику слу-

жилъ гробъ, собственноручно выдолбленный монахомъ изъ дубовой колоды, деревянный обрубокъ составлялъ возглавіе этой постели. Спать иноку рекомендовалось какъ можно меньше и только въ случаяхъ крайней усталости, передъ сномъ надо было долго молиться и что-нибудь сработать — починить одежду или обувь, наколоть дровъ, убрать келію и т. п. Спать надо было лежа на спинѣ, сложивъ руки на груди—какъ кладутъ умершихъ:—сонъ, вѣдь, есть подобіе смерти, и о смерти долженъ всегда неустанно помышлять инокъ. Въ храмъ на общую молитву, на монастрскую работу надо было выходить со страхомъ Божіимъ, безъ промедленія, безъ празднословія и бесѣдъ мірскихъ, храня молчаніе.

Только тихимъ лѣтнимъ вечеромъ передъ вечерней, послѣ которой замирала всякая жизнь въ монастырѣ, можно было наблюдать нѣкоторое оживленіе на монастырскомъ дворѣ и видѣть ту повседневную, незамѣтно таившуюся по кельямъ дѣятельность, которой была проникнута вся жизнь монаховъ. Погожій ранній вечеръ выманивалъ на дворъ и суровыхъ отшельниковъ съ ихъ рукодѣліемъ. Тогда особенно чувствовалось то значеніе рабочей хозяйственной общины, какую представлялъ изъ себя монастырь XIV—XV вв. подъ рукой дѣятельнаго своего основателя. Въ этой рабочей общинѣ всѣ занятія были строго распредѣлены между всѣми, каждый зналъ свое дѣло, и работы каждаго шли «на братскую нужду».

Уставъ бѣлозерскихъ пастырей Кирилла и Ѳерапонта живо изображаетъ этотъ распорядокъ монастырскихъ занятій, «чинъ всякаго рукодѣлія»: кто книги пишетъ, кто книгамъ учится, кто рыболовныя сѣти плететъ, кто кельи строитъ; одни дрова и воду носятъ въ хлѣбню и поварню, гдѣ другіе готовятъ хлѣбъ и варево; много службъ въ монастырѣ, но вся братія сама ихъ исправляетъ, отнюдь не допуская до того мірянъ. Монахи пашутъ землю, сѣютъ зерно, снимаютъ хлѣбъ, косятъ лугъ, мелютъ зерно на своей мельницѣ. Въ каждомъ монастырѣ есть пчельникъ—важная статья монастырскаго хозяйства, поставляющая медъ и воскъ на церковныя свѣчи. Дряхлые старые монахи, принявшіе схиму, тоже не сидятъ безъ дѣла

и, уподобляясь святымъ пустынникамъ Ѳиваиды, плетутъ кошницы, а то и, просто, лапти.

Монастырь, сдѣлавшись хозяйственной общиной и поставивъ хорошо свое хозяйство, является руководителемъ всей хозяйственной жизни въ округѣ. Окрестные жители пользуются монастырской мельницей, берутъ у монастыря «подмогу» въ случаяхъ нужды, т.-е. занимаютъ деньги, сельско-хозяйственныя орудія, зерно, хлѣбъ, снимаютъ луга и рыбныя ловли, утвержденные за монастыремъ великокняжеской или царской впослѣдствіи грамотой. Много земли и имѣнія завѣщаютъ въ монастырь на поминъ души окрестные, близкіе и дальніе, служилые люди, торговые и посадскіе. Имѣя всегда свободныя средства, благодаря хозяйству и пожертвованіямъ, монастырь всегда не прочь прійти на помощь своимъ жертвователямъ, когда ихъ встрѣчаетъ въ жизни матеріальное затрудненіе. Монастырь выручитъ ссудой служилаго человѣка, которому надо итти въ походъ и выкупить для того заложенное оружіе или купить новое; монастырь дастъ денегъ торговому человѣку, которому для задуманной операціи съ хлѣбомъ не хватаетъ «своихъ животишекъ».

Все это вернется въ монастырскую казну съ хорошимъ «припускомъ», если даже хозяйственный кассиръ и не уговорился съ должникомъ. Брать взаймы у монастыря для тогдашняго русскаго человѣка значило брать не у монаховъ, не у людей, а у самого святого основателя монастыря, у Самой Св. Богородицы, Рождеству или Успенію которой посвященъ самый монастырь. Такіе долги не могли пропадать по тогдашнимъ понятіямъ. На картинѣ возлѣ пчельника изображено тихое собесѣдованіе, должно-быть, небогатаго служилаго человѣка, пришедшаго въ монастырь передъ вечерней, чтобы свободнѣе поговорить съ отцомъ келаремъ о возможности занять изъ казны монастыря пару-другую десятковъ рублей. Чтобы получить желаемое, просящій взаймы тутъ же покажетъ келарю и свое духовное завѣщаніе, въ которомъ давно ужъ опредѣлено отдать на поминъ души въ монастырь хорошую часть своей вотчины въ близко примыкающей къ землямъ монастыря части.

Такого щедраго жертвователя нельзя было не уважить, и просьба его, съ благословенія игумена, конечно, будетъ удовлетворена.

Эта хозяйственная дѣятельность монастырей, создававшаяся и развивавшаяся помимо воли основателей-пустынножителей, способствуя хозяйственному росту и значенію монастырей въ ихъ округахъ, не очень даже умаляя религіозно-нравственное значеніе ихъ, какъ центровъ, къ которымъ неслись и стекались стремленія, порождаемыя лучшими сторонами человѣческой души, вносила, однако, во внутренній строй жизни монаховъ крайне несимпатичныя и жесткія черты, извращавшія иногда въ основаніи тѣ цѣли иноческаго житія, которыя ставилъ себѣ и своимъ преемникамъ основатель-подвижникъ.

Къ половинѣ XVI в., по характеристикѣ В. О. Ключевскаго,—«изъ трудовыхъ земледѣльческихъ общинъ, питавшихся своими трудами, гдѣ каждый братъ работалъ на всѣхъ, и всѣ духовно поддерживали каждаго изъ своей братіи, многіе изъ этихъ монастырей, если не большинство, разрослись въ крупныя землевладѣльческія общества со сложнымъ хозяйствомъ и привилегированнымъ хозяйственнымъ управленіемъ, съ многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мірскими отношеніями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря представляло изъ себя чернорізническое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянскихъ рукъ, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами, а затѣмъ молилось о всемъ мірѣ и особенно о мірянахъ, вкладчикахъ своего монастыря...

Общества отшельниковъ, убѣгавшихъ отъ міра, міръ превратилъ въ привилегированныя наемныя молельни о мірскихъ грѣхахъ и ломился въ мирныя обители со своими заказами. Это было главное противорѣчіе, обострившее всѣ остальныя. Инокъ, полагавшій въ основу своего подвига смиреніе и послушаніе, «еже не имѣти никоея же своея воли», видѣлъ себя членомъ корпораціи, властвовавшей надъ многочисленнымъ населеніемъ монастырскихъ земель. Большіе монастыри были очень богатыя общества, каждый членъ кото-

рыхъ, однако, давалъ обѣтъ нищеты, отрекаясь отъ всякой собственности».

Всѣ тогда сознавали, что монастырское богатство есть нищихъ богатство; на монастыри тогда всѣ возлагали заботы объ общественной благотворительности въ дни голода и мора, и первые подвижники, дѣйствительно, кормили и поили убогихъ и голодныхъ, отказывая себѣ во всемъ, и двери ихъ монастырей были открыты всѣмъ сирымъ и покинутымъ, но наслѣдники первоподвижниковъ, въ заботахъ объ устройствѣ хозяйства и правильнаго теченія его, прекратили обычай благотворенія до конца и ограничивались одной безпорядочной раздачей заранѣе опредѣленнаго количества милостыни просящимъ, и этимъ способствовали развѣ только развитію нищенства, какъ ремесла.

Богадѣльни, какъ указывалъ царь Иванъ на Стоглавомъ соборѣ, существовали лишь при очень немногихъ монастыряхъ, и отцы собора, когда царь заговорилъ о призрѣніи нищихъ и сирыхъ, посовѣтовали устроить это похвальное дѣло на счетъ царской казны.

Въ монастыряхъ накоплялись большіе денежные капиталы, и монастырскія власти, какъ единогласно свидѣтельствуютъ памятники XVI в., не чуждались отдавать монастырскія деньги въ ростъ, полагая «лихву на лихву». Монахъ долженъ былъ скромно пить и ѣсть, но ему приходилось участвовать въ «кормахъ», какъ назывались значительные земельные вклады, соединенные съ условіемъ, что монастырь ежегодно будетъ устраивать для всей братіи кормъ въ память того, по чьей душѣ дѣлался вкладъ; кормы назначались иногда и два раза—въ день ангела и въ день кончины вкладчика, и отличались обиліемъ и сытностью, подавалось обыкновенно три-четыре блюда и два раза въ день. Благодаря всему этому, въ XVI в. монастырская жизнь далеко отходитъ отъ тѣхъ идеаловъ поста и подвижничества, которые легли въ основаніе самого монастыря, положенное его основателемъ-отшельникомъ. Стоглавому собору пришлось признать горькій фактъ, что въ то время «многіе въ монастыри постригались не ради спасенія души, а покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать».

Эта общая характеристика темныхъ сторонъ монастырской жизни не должна, однако, заслонять въ нашемъ сознаніи ихъ великой исторической роли въ дѣлѣ колонизаціи и обработки Великороссіи, для которой они же сберегли и начатки грамотности и просвѣщенія, и тѣ лучшіе идеалы, которые въ тяжелое время превращали тѣхъ же бражниковъ и баръ-черноризцевъ въ подвижниковъ и стоятелей за родину и вѣру; примѣръ этого далъ не одинъ только Троицкій монастырь преподобнаго Сергія въ тяжелую годину розрухи Московскаго государства.

См. В. О. Ключевскій—Курсъ русской исторіи, часть II, главы XXXIV и XXXV; И. Хрущовъ—Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 1—14.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главнѣйшія изъ реформъ, ... ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II"*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ"*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II"*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в."*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I"* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ определяющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы"*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время"*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ"*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ"* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ"*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.